

Большая  
Энциклопедія.

---

Двадцатый томъ.

**Чахотка легкихъ — V.**

# Большая Энциклопедія.

Подъ редакціей С. Н. Южакова

и редакторовъ отдѣловъ:

Біологическія науки . . . . .	А. М. Никольскій, проф.
Ветеринарія . . . . .	И. Н. Потапенко, м-ръ ветер. наукъ.
Востоковѣдніе . . . . .	Д. А. Клеменць, этногр. акад.
Географія, геологія и минералогія . . . . .	С. Н. Никитинъ, м-ръ геологін.
Древне-русская письменность и славяновѣдніе . . . . .	А. К. Бороздинъ, проф.
Иностранныя литературы . . . . .	Е. В. Аничковъ, прив.-доц.
Лингвистика . . . . .	Д. Н. Овсяннико-Куликовскій, проф.
Математика и астрономія . . . . .	Л. Г. Малисъ.
Медицина . . . . .	Р. А. Брагинская, врачъ.
Музыка . . . . .	Л. А. Саккетти, проф.
Русская литература XIX в. . . . .	А. М. Скабичевскій.
Соціологія . . . . .	С. Н. Южаковъ.
Физика, химія и техника . . . . .	В. А. Ковалевскій, доцентъ.
Экономическій отдѣлъ . . . . .	В. Г. Яроцкій, проф.
Юридическій отдѣлъ . . . . .	В. М. Гессеяъ, проф.

Около 10,000 иллюстрацій въ текстѣ и приблизительно 1000 отдѣльныхъ приложений: хро-  
молитографій, картъ, плановъ и гравюръ.

*Большая Энциклопедія рекомендована Главнымъ Управленіемъ Военно-учебныхъ заведеній въ фундаментальныя  
библіотеки кадетскихъ корпусовъ и военныхъ училищъ.*

С.-Петербургъ.

Книгоиздательское Т-во „Прсвѣщеніе“, 7 рота, 20;  
городская контора: Невскій, 50.

# Большая Энциклопедія.

Словарь общедоступныхъ свѣдѣній по всеѣмъ  
отраслямъ знанія.

---

Двадцатый томъ.

Чахотка легкыхъ — V.

---

Издатели:

Библиографическій Институтъ (Мейеръ) въ Лейпцигѣ и Вѣнѣ  
и  
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщенію“ въ С.-Петербургѣ.

---

С.-Петербургъ.

Типо-литографія Книгоиздательскаго Т-ва „Просвѣщенію“,  
7 рота, 20.

Доволено цензурою. Спб., 28 апрѣля 1905 г.



# Списокъ сотрудниковъ „Большой Энциклопедіи“.

- Проф. Д. И. Абрамовичъ.  
Э. Д. Аваловъ.  
Зоол. Акад. Наукъ Н. Н. Адельунгъ.  
А. Ф. Альтгаузенъ.  
Прив.-доц. Е. В. Аняч-ковъ.  
Н. Ф. Анненскій.  
М. А. Антоновичъ.  
Ю. М. Антоновичъ.  
М. Н. Бархаткинъ.  
А. В. Башкировъ.  
Зоол. Акад. Наукъ В. Л. Бланинъ.  
А. И. Богдановичъ.  
Проф. П. А. Водуръ до Курно.  
Проф. И. П. Бородинъ.  
Проф. А. К. Бородинъ.  
Врачъ Р. А. Брагинская.  
М. А. Брагинскій.  
Г. Г. Браундъ.  
А. В. Брауде.  
А. И. Браудо.  
Проф. Ф. А. Браунъ.  
О. Е. Бужанскій.  
Проф. С. Б. Булячь.  
Н. П. Быковская.  
П. В. Быковъ.  
П. П. Бѣлокопскій.  
Н. Т. Бѣляевъ.  
А. А. Васильевъ.  
М. В. Ватсонъ.  
П. Н. Веймарнъ.  
А. А. Вейнбергъ.  
Проф. П. Н. Вейнбергъ.  
Проф. П. Н. Вереха.  
Академикъ А. И. Весселовскій.  
Н. П. Вишняковъ.  
В. В. Водозовъ.  
Н. Е. Водаровичъ.  
Прив. доц. Э. А. Вольтеръ.  
В. А. Ганейзеръ.  
М. И. Ганфманъ.  
Д. Д. Гарднеръ.  
К. К. Гедройцъ.  
Проф. В. М. Гессенъ.  
Ю. М. Гессенъ.  
Я. Гессенъ.  
В. А. Гильченко.  
Хим. П. Л. Головчинеръ.  
А. К. Голубевъ.  
Проф. П. В. Голубовскій.  
Л. М. Гольдшерштейнъ.
- Пр.-доц. М. Ю. Гольд-штейнъ.  
А. Г. Горюфельдъ.  
В. М. Городецкій.  
А. С. Гребинцкій.  
Проф. И. М. Гревсъ.  
В. Д. Гринченко.  
Я. Г. Гуревичъ.  
Врачъ Е. М. Дементьевъ.  
Проф. В. И. Добровля-скій.  
Проф. М. Н. Дьяконовъ.  
А. А. Есауловъ.  
Пр.-доц. М. И. Жебелевъ.  
П. П. Житецкій.  
Л. С. Занъ.  
А. В. Заремба.  
А. П. Звонниковъ.  
Н. Н. Злаковрацкій.  
С. А. Зноско-Воровскій.  
Проф. Ф. Ф. Зѣлинскій.  
Проф. А. А. Ивановскій.  
Г. И. Ивановъ.  
А. К. Ивашевъ.  
Г. А. Ильинскій.  
Н. А. Ильинскій.  
К. А. Иностранцевъ.  
М. И. Иолитинъ.  
В. А. Каделакъ.  
В. В. Каллашъ.  
П. О. Каптеревъ.  
Проф. И. А. Каршевъ.  
Проф. Н. И. Карѣевъ.  
Е. А. Кивлицкій.  
Этногр. Акад. Н. Д. А. Кле-менцъ.  
Доцентъ В. А. Комале-скій.  
Проф. П. С. Коловичъ.  
Акад. Н. П. Кондаковъ.  
Врачъ Е. О. Конева.  
В. А. Кордтъ.  
Инж. П. А. Корухинъ.  
Акад. С. П. Коржинскій.  
Почетн. акад. В. Г. Коро-ленко.  
Инж. Л. Г. Коршунъ.  
Проф. П. С. Косовичъ.  
Проф. Ю. Кулаковскій.  
Прив.-доц. А. А. Кулябко.  
А. К. Куринъ.  
А. М. Лазаревскій.  
Горн. инж. А. А. Лебедевъ.  
В. В. Лесевичъ.  
М. В. Ливенсонъ.
- Г. Ф. Линдбергъ.  
А. Л. Липовскій.  
Н. М. Лисовскій.  
Проф. А. С. Лыкошинъ.  
В. Н. Любименко.  
Е. А. Ляцкій.  
А. I. Лященко.  
Л. Г. Малкъ.  
О. J. Малкъ.  
Д. И. Маминъ.  
А. Г. Марчелко.  
Проф. А. Н. Миклашев-скій.  
Проф. П. Н. Милуковъ.  
Проф. А. Н. Митинскій.  
Проф. Н. Н. Митинскій.  
В. О. Миткевичъ.  
М. Н. Михайловскій.  
Н. К. Михайловскій.  
Инженеръ Н. Г. Михайлов-скій (Гаряня).  
П. В. Мокіевскій.  
Проф. Г. Ф. Морозовъ.  
П. О. Морозовъ.  
А. А. Мурашкинцевъ.  
М-ръ истори В. А. Милко-тинъ.  
М-ръ геол. С. Н. Никитинъ.  
Николай — Огъ.  
Проф. А. М. Никольскій.  
В. В. Новодворскій.  
Н. П. Обнорскій.  
Проф. В. А. Обручевъ.  
Проф. Д. Н. Овсянко-Куликовскій.  
Т. Н. Осадчій.  
В. П. Острогорскій.  
Доц. А. Остроградскій.  
Н. Н. Павловъ-Сильван-скій.  
Н. П. Павловъ-Сильван-скій.  
Проф. Л. О. Петражицкій.  
Проф. В. К. Пискорскій.  
Проф. А. Л. Погодинъ.  
М. М. Покровскій.  
Г. Н. Потанинъ.  
М-ръ ветеринарн Н. Н. Потанинко.  
Инж. М. А. Прессъ.  
А. А. Пруссагъ.  
Проф. А. И. Пузыревскій.  
Проф. Е. В. Пѣтуховъ.  
Р. Э. Регель.  
Н. В. Рейгардъ.
- М-ръ правъ В. В. Розен-бергъ.  
Проф. М. Н. Ростовцевъ.  
М. К. Ротастъ.  
А. Д. Рудневъ.  
А. А. Рыдзевскій.  
В. Славинскій.  
Проф. Л. А. Саккетта.  
В. И. Семеновскій.  
П. П. Семеновъ.  
Н. Н. Сиверсъ.  
Д. П. Сильчевскій.  
П. К. Симонъ.  
А. М. Смабичевскій.  
Контр-адм. С. А. Скрыгинъ.  
М. Славинскій.  
П. А. Соколовскій.  
Н. М. Соколовъ.  
К. М. Станюковичъ.  
П. А. Степановъ.  
В. П. Сторомевъ.  
Н. Н. Стѣпрскій.  
Г. И. Тауфилъевъ.  
Прив.-доц. Е. В. Тарле.  
М. Н. Тимефеева.  
Прив.-доц. В. Ф. Томаше-скій.  
В. А. Тра пель.  
Прив.-доц. В. Тураевъ.  
Инжен. А. Гл. Успенскій.  
Н. П. Фалѣевъ.  
А. Г. Ферингеръ.  
Д-ръ фил. М. М. Филипповъ.  
К. I. Храповичъ.  
Н. П. Цытовичъ.  
В. А. Чарюлусскій.  
С. Л. Чудюковскій.  
Проф. А. И. Чуровъ.  
А. К. Шауманъ.  
Н. Г. Шауманъ.  
Академикъ А. А. Шахма-товъ.  
П. А. Шафрановъ.  
В. Ф. Шиммаревъ.  
Л. Л. Штернбергъ.  
С. А. Шумаковъ.  
П. Е. Щеголевъ.  
Е. Н. Щенявля.  
Прив. доц. О. И. Щорбацкій.  
Ф. А. Шергина.  
Н. С. Юнаковъ.  
С. П. Юнаковъ.  
В. К. Ярмагедтъ.  
Проф. В. Г. Яроцкій.  
А. А. Ячевскій и др.

Бумага без примеси древесной массы (велелевая).

ми, пузыревидно раздутыми листовками, часто разводится у насъ въ садахъ; съмена употребляются для приготовления зелировъ. *N. sativa L.* съ волосистыми стеблями, синими цвѣтами, железистыми листовками и яйцевидными, трехребрыми съменами; дико растетъ въ Малой Азійи и южн. Европѣ, у насъ часто разводится и дичаетъ. Съмена прежде имѣли лѣкарственное примѣненіе и еще въ настоящее время въ Египтѣ и на Востокѣ служатъ пряностью. *N. argvensis L.* часто встрѣчается у насъ на поляхъ.

**Черные клобуки**, нар., то же, что каракалпаки.

**Черные флаги**, народность, обитающая по верхнему теченію Красной рѣки въ Тонкинѣ. Ядро образовано потомками бѣжавшихъ изъ Китая послѣ подавленія возстанія тайпинговъ. Составляли неблагоустроенное разбойничье государство, имѣющее опорнымъ пунктомъ гор. Лао-кой, принимающее и до сихъ поръ всякій бѣглый элементъ. Въ настоящее время разбой ихъ усмирены французами, и Лао-кой занятъ французскимъ гарнизонамъ послѣ упорнаго двухлѣтняго сопротивленія.

**Черные холмы**, см. *Блэкъ-Гильмесъ*.

**Черный**, Георгій Петр., названный Карагеоргіемъ (черный Георгій), предводитель сербовъ въ борьбѣ за освобожденіе, род. 1766, ум. 1817, принялъ участіе въ первомъ же возстаніи сербовъ противъ турокъ (1787), бѣжалъ, застрѣливъ предварительно своего отца, который не хотѣлъ слѣдовать за нимъ и котораго Ч. не желалъ оставлять въ рукахъ турокъ, и поступилъ въ сербскій вольный отрядъ, сражавшійся вмѣстѣ съ австрійцами противъ турокъ. Послѣ мира въ Систовѣ (1791) Ч. вернулся въ Сербію и сдѣлался скотогровцемъ. Когда же янычары въ Вѣлградѣ убили Мустафу Пашу и вмѣстѣ съ нимъ еще нѣсколько уважаемыхъ лицъ и особенно сильно стали притѣвлять народъ, Ч. сталъ 1804 въ Зибницѣ во главѣ возстанія противъ турокъ. Онъ прогналъ турокъ изъ всей страны, одинъ Вѣлградъ остался въ ихъ рукахъ; но сербская аристократическая партія, опасаясь вліянія Ч., съ сенатомъ во главѣ противопоставила свою власть Ч., который надѣялся управлять страной посредствомъ народнаго собранія; турки снова вторгнулись въ Сербію и разбили войско, которымъ предводительствовали аристократы. Но Ч. побѣдилъ турокъ и завоевалъ Вѣлградъ и былъ признанъ 1810 главнокомандующимъ Сербіи, вѣдавшимъ всѣ военныя дѣла Сербіи, тогда какъ сенатъ имѣлъ гражданское управленіе. 1813 Ч. не могъ помѣшать вторженію турокъ. Ч. былъ убитъ подосланными кн. Милошемъ убійцами. Ч. былъ храбръ и смѣлъ, по срашенъ въ гнѣвъ. За какой-то проступокъ онъ приказалъ повѣсить своего брата.

**Черный городъ**, см. *Баку*.

**Черный царь**, см. *паръ*.

**Черный принцъ**, см. *Эдуардъ*.

**Черный рынокъ**, русское поселеніе въ низовьяхъ Терека, на одномъ изъ его протоковъ — Прорвѣ, въ 70 вер. ниже г. Кизляра; жит. 2000; училище, еженедѣльные базары; 17 торгово-промышленныхъ заведеній; казенный рыбный промыселъ въ устьяхъ Терека; осн. 1776.

**Черный Яръ**, уѣздный гор. Астраханской губ., на прав. бер. р. Волги подъ 48° 4' с. ш. и 45° 54' в. д., жит., по послѣдней переписи 1897 г., 5144 д. об. п. Былъ построенъ для обезпеченія Астрахани отъ кочевниковъ и разбойниковъ. Торг.-промышленное значеніе города незначительно. Главное занятіе — рыболовство; хлѣбопашество и скотоводство служатъ подспорьемъ. Ч. Я. пристань, съ которой отправляется до 25 т. пуд. грузовъ. 15 вѣтряныхъ и водяныхъ мельницъ и рыболовная ватага. Городской общ. банкъ. Четыре ярмарки съ оборотами около 150 тыс. руб. Главн. предметъ торг. — скотъ. Браковъ 1900 состоялось 51, родилось 281, умерло 175. Приростъ 106. Церквей правосл. 2, больница, богадѣльня. Благотворительное Общество. Пять учебныхъ заведеній. Пароходное сообщеніе съ пристаями по Волгѣ.

**Чернышевская ст-ца**, 2-го окр. Донской области, на р. Чирѣ; жит. 17,057; двѣ школы; крупное скотоводство; одинъ изъ центровъ торговли убойнымъ и рабочимъ рогатымъ скотомъ.

**Чернышевскій**, Николай Гавриловичъ, знаменит. писатель, род. 12 іюля 1828 въ Саратовѣ. Отецъ его, Гаврилъ Ив., протоіерей главнаго мѣстнаго собора, былъ человѣкомъ выдающимся ума и честности. Его благородный и возвышенный характеръ, его сердечная доброта доставили ему уваженіе всѣхъ лицъ, которыя имѣли случай вступать съ нимъ въ какія-либо сношенія; широкою популярностью добраго пастыря онъ пользовался среди бѣдныхъ членовъ своего прихода, которые шли къ нему за совѣтомъ, несли къ нему на храненіе свои скудные трудовыя сбереженія и вообще обращались къ нему за помощью во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ своей жизни. Подъ непосредственнымъ гуманымъ вліяніемъ отца, въ мирной атмосферѣ семейнаго согласія, окруженный нѣжною заботливостью своей матери, провелъ Ч. годы своего дѣтства и первой юности. Рано выучившись читать, онъ съ жадностью принялся за книги, за которыми проводилъ всѣ свои досуги. Не довольствуясь довольно богатой бібліотекой своего отца, онъ добывалъ книги у сосѣдей-помѣщиковъ и всюду, гдѣ только ихъ можно было достать. Страсть къ чтенію до того сильно укоренилась въ немъ, что онъ не могъ разстаться съ книгою даже за обѣдомъ и ужиномъ. До пятнадцатилѣтняго возраста Ч. учился подъ непосредственнымъ руководствомъ своего отца; 1842 онъ былъ отданъ въ саратовскую семинарію прямо въ старшій классъ. Здѣсь, благодаря своимъ необыкновеннымъ даро-

ваніямъ и обширнымъ познаніямъ, Ч. скоро замѣтно выдѣлился въ семинарской средѣ. Неподдѣльный восторгъ вызывалъ онъ со стороны учителя словесности, который въ своихъ рапортахъ правленію семинаріи говорилъ о сочиненіяхъ Ч., какъ о замѣчательныхъ и образцовыхъ. Воспитанный въ духѣ православія и церковныхъ догматовъ, Ч. въ началѣ легко приспособился къ семинарской обстановкѣ и, по призванію самого педагогическаго начальства, вель себя примѣрнымъ ученикомъ „прилежнаго ревностнаго, усѣбхъ отличныхъ, поведенія весьма скромнаго“. По окончаніи семинаріи, Ч. отказался отъ своего намѣренія поступить въ духовную академію и рѣшилъ готовиться къ поступленію въ университетъ. Отецъ, не желая мѣшать осуществленію плана своего даровитаго сына, взялъ его изъ семинаріи къ малому огорченію инспектора ея, Тихона, глубоко сожалѣвшаго о томъ, что „лишаютъ духовенство такого свѣтила“. Послѣ двухлѣтней домашней подготовки, Ч. въ 1846 отправился въ Спб. и, выдержавъ университетскій экзаменъ, поступилъ на филологическій факультетъ. Въ новой обстановкѣ его обычная любозательность и серьезные научные интересы нашли гораздо болѣе полное удовлетвореніе. Запимаясь самостоятельно славянскими и древними языками, Ч. въ то же время жадно слѣдилъ за лекціями профессоровъ. Одинъ изъ нихъ, проф. Срезневскій, скоро обратилъ вниманіе на выдающіяся способности Ч., приглянулъ его къ себѣ и поручилъ ему составить словарь къ Ипатьевской лѣтописи, который былъ напечатанъ затѣмъ въ „Извѣстіяхъ II отд. акад. наукъ“ 1853. Но при всемъ благоговѣнн своемъ передъ наукою и безусловномъ уваженіи къ ея требованіямъ, которая онъ сохранилъ въ теченіе всей своей жизни, Ч. не могъ окопательно зарыться въ архивныя изысканія древнихъ историческихъ лѣтописей; ученость, чуждающаяся запросовъ и требованій живой дѣятельности, не могла его увлечь на долгое время. Черты истиннаго гуманизма и необыкновенная нравственная чуткость, являвшіяся коренными свойствами его характера, заранѣе уже намѣчали то направленіе, въ какомъ будутъ искать выхода дѣятельныя силы, таившіяся въ глубинѣ его души, передъ обаятельной красотой которой преклонялись даже болѣе добросовѣстные изъ его противниковъ. Въ сороковые годы, къ концу которыхъ относится критическій моментъ въ развитіи Ч., въ Россіи приобрѣли популярность идеи французскихъ социалистовъ, и особенно теорія Фурье. Эти идеи находили пріютъ въ различныхъ кружкахъ русской интеллигенціи. Естественно, что стремленія фурьеризма должны были коснуться и Ч., смутно искавшаго отвѣтовъ на начинавшіе волновать его запросы современности. Нужно было еще новый виѣшній толчокъ, чтобы сфера новыхъ, охватившихъ его интересовъ опре-

дѣлилась въ его сознаніи нѣсколько яснѣе. Будучи на второмъ курсѣ, Ч. попалъ въ кружокъ И. И. Введенскаго; оживленные бесѣды, горячіе споры, которые велись здѣсь собиравшимися у Введенскаго по средамъ за чайнымъ столомъ, отчасти намѣтили передъ Ч. ту область вопросовъ, которые тревожили его мысль. Съ обыкновенною энергіей принялъ онъ за чтеніе сочиненій социально-политическаго содержанія, перечитавъ все, что только можно было достать на французскомъ и нѣмецк. яз. Въ нѣсколько мѣсяцевъ упорнаго труда Ч. приобрѣлъ обширный запасъ знаній, превосходно усвоенныхъ его громадной памятью. Въ то же время онъ продолжалъ по прежнему усердно посѣщать лекціи и написалъ сочиненіе, за которое получилъ золотую медаль. Окончивъ курсъ въ 1850 кандидатомъ, Ч. могъ остаться для занятій въ университетѣ, но онъ предпочелъ уѣхать въ родной городъ, гдѣ поступилъ учителемъ въ мѣстную гимназію. Въ теченіе двухъ лѣтъ своей преподавательской дѣятельности въ Саратовѣ, Ч. велъ жизнь очень замкнутую; все свои досуги онъ отдавалъ книгамъ; лишь крайне рѣдко, по настоянію матери, онъ посѣщалъ мѣстное чиновничье общество. Въ этомъ кругу Ч. встрѣтился съ дѣвушкой, которую горячо полюбилъ и которая потомъ сдѣлалась его женою. Въ 1853 послѣ женитбы онъ уѣхалъ въ Спб., гдѣ по хлопотамъ упомянутаго уже Ир. Введенскаго получилъ мѣсто преподавателя русскаго яз. во 2-мъ кадетск. корпусѣ; но долго удержаться на этомъ мѣстѣ онъ не могъ и не далѣе уже, какъ черезъ годъ, Ч. вынужденъ былъ выйти въ отставку. Съ этого времени онъ всецѣло отдается литературной дѣятельности, которая началась переводами, рецензіями, мелкими замѣтками и т. п. въ „Отеч. Запискахъ“. Масса мелкой журнальной работы отнимала у него значительную часть времени; она, однако, не мѣшала ему усердно готовиться къ магистерскому экзамену и работать надъ составленіемъ знаменитой для своего времени диссертации „Объ эстетическомъ отношеніи искусства къ дѣятельности“. Защита Ч. диссертации на университетскомъ диспутѣ въ аудиторіи, переполненной публикой, явно сочувствовавшей молодому и талантливому магистранту, въ присутствіи попечителя округа и министра народнаго просвѣщенія А. С. Норова, явилась цѣлымъ событіемъ въ интеллигентныхъ кругахъ столицы. Ч. скромно, но увѣренно защищалъ главные тезисы своей работы и весьма удачно отражалъ нападенія своихъ оппонентовъ; факультетъ готовъ былъ присудить ему искому степеню, но, вслѣдствіе противодѣйствія Норова, Ч. не былъ удостоенъ ученой степени; диссертация же его была конфискована. Между тѣмъ, сенсационный диспутъ познакомилъ журналистовъ съ именемъ даровитаго ученаго, и тогда же редакція „Современника“ пригласила Ч. сначала какъ сотрудника журнала.



а затѣмъ предложила ему завѣдываніе критическимъ и политическимъ отдѣлами. Съ тѣхъ поръ имя Ч., вмѣстѣ съ именемъ позднѣе присоединившагося къ нему Добролюбова, осталось навсегда связаннымъ съ вліятельнѣйшимъ органомъ русской общественной мысли 60-хъ гг.; именно со вступленіемъ въ редакцію „Современника“ Ч. и при сотрудничествѣ Добролюбова это изданіе приобрѣло то крупное общественно-литературное значеніе, которое навсегда останется за нимъ признаннымъ въ лѣтописяхъ русской журналистики. Въ „Современникѣ“ литературный талантъ Ч. проявился въ полномъ своемъ блескѣ. Первый періодъ литературной дѣятельности Ч. до вступленія въ журналъ Добролюбова выразился въ рядѣ критическихъ статей о текущей литературѣ и двухъ крупныхъ работахъ историко-литературнаго характера: „Очерки гоголевскаго періода русской литературы“ и „Лесингъ и его время, его жизнь и дѣятельность“, печатавшіеся въ теченіе 1855—57 гг. Къ этимъ работамъ по важности своего значенія примыкаютъ нѣкоторыя статьи о корифеяхъ русской литературы, особенно же статья о Пушкинѣ. Огромныя свѣдѣнія и обстоятельное знаніе предмета, смѣлость и оригинальность сужденій, испровергавшихъ старые литературныя идолы, проповѣдь широкихъ общественно-литературныхъ идеаловъ — все это напоминаніе русской интеллигенціи о лучшихъ временахъ критической дѣятельности Бѣлинскаго, возвращало къ великимъ завѣтамъ отца русской критики. Со вступленіемъ въ „Современникъ“ Добролюбова, Ч. сразу же оцѣнилъ огромный литературный талантъ своего молодого сотрудника и передалъ ему въ полное завѣдываніе критическій отдѣлъ журнала, самъ же писалъ статьи научно-публицистическаго характера. Это и болѣе соответствовало свойствамъ его боевого литературнаго темперамента и потребностямъ начинавшагося освободительнаго движенія въ Россіи по окончаніи крымской войны. Со вступленіемъ на престолъ Александра II, русская журналистика получила возможность заговорить о серьезныхъ общественныхъ проблемахъ; Ч. воспользовался этимъ благоприятнымъ моментомъ, чтобы ввести русск. читателя въ сферу общественныхъ интересовъ. Въ эту эпоху „Современникъ“ былъ настоящимъ органомъ партіи прогрессивной интеллигенціи, явившись яркимъ выразителемъ ея надеждъ и стремленій, а Ч. его вождемъ. Многочисленныя статьи его по крестьянскому вопросу и по вопросу объ общинѣ, статьи историко-политическаго содержанія, публицистически-полемическаго характера производили громадное вліяніе на читателей, особенно на интеллигентную молодежь, съ жадностью набрасывавшуюся на каждую статью любимаго писателя. Значеніе, приобретенное Ч., становилось въ глазахъ реакціонныхъ слоевъ общества опаснымъ; ихъ литературныя

сторонники старались всякими средствами поколебать авторитетъ знаменитаго публициста, который въ свою очередь не падалъ своихъ противниковъ и силою своего несравненнаго полемическаго искусства, исполненнаго самой вѣдкой, уничтожающей ироніи, убилъ немало мнимыхъ литературныхъ репутаций. Впрочемъ, литературныя нападки многочисленныхъ противниковъ не обезкураживали Ч.; онъ былъ увѣренъ въ поддержкѣ и симпатіяхъ къ себѣ лучшей части общества и съ прежнею неутомимою бодростью и непоколебимою вѣрою въ правоту совершаемаго имъ просвѣтительнаго дѣла продолжалъ работать до изнеможенія. Но противъ чего оказался безсиленъ Ч., такъ это противъ клеветы и доносовъ по начальству. Цѣлый рядъ грубыхъ инсинуаций и злостныхъ обвиненій въ разрушительныхъ планахъ съ цѣлью погрома основъ сдѣлали свое дѣло. Въ маѣ 1862 „Современникъ“ былъ приостановленъ, а 12 июня того же года Ч. былъ арестованъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ, между прочимъ, написалъ свой знаменитый романъ „Что дѣлать?“ Послѣ почти двухлѣтняго заключенія Ч., по приговору сената, былъ приговоренъ къ 14 годамъ каторжныхъ работъ въ рудникахъ, сокращеннымъ по конфирмаціи до 7 лѣтъ. Съ отправленіемъ Ч. въ Сибирь имя его почти въ теченіе 20 лѣтъ не появляется въ литературѣ. Свою ссылку онъ odbyвалъ сначала въ Кадавъ, а затѣмъ въ Александровскомъ заводѣ Нерчинскаго округа. Въ 1871 окончился срокъ каторги Ч., однако онъ, по представленію тогдашняго шефа жандармовъ гр. П. А. Шувалова, былъ отправленъ въ захолустный Вилуйскъ и поселенъ тамъ подъ надзоромъ нѣсколькихъ козачковъ, которыми и ограничивалось его общество. Въ бытность свою въ Александровскомъ заводѣ Ч. принималъ живое участіе въ устройствѣ спектаклей для арестантовъ, какъ авторъ театральныхъ пьесъ, и написалъ цѣлый рядъ одноактныхъ водевилей и вѣскольکو комедій. Въ 1883 Ч. разрѣшено было возвратиться въ Россію, и мѣстою жительства была назначена ему Астрахань. Здѣсь онъ отдался переводу многотомной Всеобщей исторіи Вебера, изъ которой успѣлъ перевести ок. 12 томовъ, причѣмъ нѣкоторые изъ нихъ онъ снабдилъ оригинальными статьями лингвистическаго и философско-историческаго содержанія. Кромѣ этой крупной работы, онъ помѣстилъ въ „Русск. Вѣд.“ за 1885 г. статью: „Характеръ человѣческаго знанія“, поэму: „Гимнъ дѣвы неба“ (въ „Русской Мысли“, 1885, № 7), за подписью Андреевъ; статью: „Происхожденіе теоріи благотворности борьбы за жизнь“, подписанную псевдонимомъ „Старый трансформистъ“ („Русская Мысль“, 1888, № 9). Въ 1889 Ч. разрѣшено было порываться въ родной Саратовъ; здѣсь онъ перевелъ „Основныя начала“ Спенсера (изд. Л. О. Пантелъева); послѣднимъ литературнымъ

трудомъ его было изданіе матерьяловъ о жизни его товарища и сотрудника по „Современнику“ Н. А. Добролюбова; „Матерьялы для биографіи Н. А. Добролюбова“ были сначала напечатаны въ „Русской Мысли“ 1889, № 1, 2, и изданы отдѣльной книгой уже послѣ смерти Ч. Чрезвычайная и обременительная работа сильно подорвала его ослабѣвшій организмъ, а обострившаяся давнишняя болѣзнь его — катаръ желудка — заставила слечь въ постель. Проболѣлъ онъ всего два дня и скончался въ ночь съ 16 на 17 окт. 1889.

„До сихъ поръ для русскаго человѣка, — писалъ Ч., — единственная возможная заслуга передъ высокими идеями правды, искусства, науки — содѣйствіе распространенію ихъ въ его родинѣ. Со временемъ будутъ и у насъ, какъ у другихъ народовъ, мыслители и художники, дѣйствующие только чисто въ интересахъ науки или искусства; но пока мы не станемъ по своему образованію наравнѣ съ наиболѣе успѣвшими націями, у каждаго изъ насъ другое дѣло, болѣе близкое сердцу, — содѣйствіе по мѣрѣ силъ дальнѣйшему развитію того, что началъ Петромъ Великимъ. Это дѣло до сихъ поръ требуетъ и, вѣроятно, еще долго будетъ требовать всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ, какими обладаютъ наиболѣе одаренные сыны нашей родины“. Такъ понималъ Ч. задачу своего времени. Однако, просвѣтительная задача, исполненная Ч., не сводилась исключительно къ роли популяризатора гуманистическихъ идей. Роль его была гораздо шире и сложнѣе. Какъ талантливѣйшій представитель и одинъ изъ главныхъ вождей демократическаго теченія эпохи 60-хъ гг., Ч., наряду съ своею творческою, положительною работою, содѣйствовалъ глубокимъ анализомъ своей критической мысли разрушенію старыхъ понятій и отжившихъ формъ и на ихъ развалинахъ возводилъ прочный фундаментъ новаго міросозерцанія, соответствовавшаго новымъ требованіямъ русской жизни. Отдавая себѣ вполне ясный отчетъ въ важности переживаемаго историческаго момента и сознавая всю опасность, которую угрожали успѣху прогрессивнаго движенія гражданская инертность и младенчество русской общественной мысли, парализованной реакціей предшествовавшаго десятилѣтія, Ч. на первыхъ же порахъ своей литературной дѣятельности поставилъ себѣ задачею пробужденіе активныхъ силъ русской интеллигенціи для живой общественной работы и построеніе системы новаго міросозерцанія. Нѣкоторые основные пункты этой системы были отчасти только намѣчены, отчасти же довольно ясно сформулированы Ч. еще 1855 въ диссертациі „Объ эстетическихъ отношеніяхъ и искусства къ дѣйствительности“. Основная задача этого трактата именно и состояла въ разрушеніи господствующей метафизической теоріи искусства и въ построеніи новой реальной эстетической си-

стемы, согласной съ требованіями точной науки и дѣйствительной жизни. Начиная съ анализа идеи прекраснаго, авторъ, послѣ тщательнаго разбора ея метафизическихъ опредѣленій, даетъ собственное слѣдующее опредѣленіе: „прекрасное есть жизнь; прекрасно то существо, въ которомъ видимъ мы жизнь такую, какова должна быть она по нашимъ понятіямъ; прекрасенъ тотъ предметъ, который выказываетъ въ себѣ жизнь или напоминаетъ намъ о жизни“. Отсюда вытекаетъ отрицательное отношеніе Ч. къ самоодвлѣющему искусству, несособному, по его мнѣнію, осуществлять какую либо идею прекраснаго, не осуществляемую дѣйствительностью. Поэтому разъ искусство безсилно создавать такую красоту, которой не бываетъ въ дѣйствительности, то прямая задача искусства и сводится исключительно къ воспроизведенію этой дѣйствительности, всего, что въ ней интересуетъ человѣка, что объясняетъ ему ее, что напоминаетъ ему о ней. При этомъ, воспроизводя природу, искусство должно отказаться отъ безплодной попытки превзойти ее, потому что сила человѣка гораздо слабѣе, работа его чрезвычайно груба и неуклюжа сравнительно съ работою природы, а человѣческая фантазія, никогда не достигая степеней ея совершенства, даетъ лишь блѣдную и почти всегда неудачную копію съ нея. Въ этомъ отношеніи задача искусства вполнѣ совпадаетъ съ задачею науки, которая, никогда не пытаясь стать выше дѣйствительности, ставитъ себѣ цѣлю — понять и объяснить дѣйствительность и использовать эти объясненія въ интересахъ человѣчества. Въ этомъ и только въ этомъ состоитъ высокое и прекрасное назначеніе искусства. Въ наше время, конечно, не трудно отмѣтить промахи и ошибки эстетической теоріи Ч., страдающей односторонностью, но польза тому назадъ она явилась настоящимъ откровеніемъ, проповѣдью любви къ человечеству, на служеніе которому призывалось искусство смѣлымъ словомъ общественной философіи, нашедшей живой откликъ въ сердцѣ русской интеллигенціи, очутившейся послѣ Севастополя. Это была философія гуманизма, восстанавливающая, въ качествѣ верховнаго принципа и искусства, и науки, интересы человѣческой личности. Не даромъ относился Ч. съ такою горячею симпатіею къ Лессингу, которому онъ въ особенную заслугу вѣнчалъ то, что „человѣческая жизнь у него поставлялась единственнымъ, существеннымъ содержаніемъ поэзіи“. Было бы, однако, ошибочно думать, что своими требованіями художественнаго аскетизма, которыя Ч. предвѣщала къ произведеніямъ искусства, онъ хотѣлъ стѣснить свободу творчества. Разсматривая эстетическую теорію Ч. въ рамкахъ исторической перспективы, нетрудно будетъ замѣтить, что многія крайности ея, обусловленные характерными особенностями тогдашняго общественнаго настроенія, были

реакцией против господствовавшей в литературе и особенно в литературной критикѣ безприщипности, противъ равнодушія къ страданіямъ русской жизни, противъ непростительнаго забвенія лучшихъ традицій, завѣщанныхъ Вѣликимъ. Несмотря на покирующій тонкихъ эстетиковъ реализмъ взглядовъ Ч., они, въ сущности, проникнуты духомъ самаго глубокаго идеализма. И если мы сопоставимъ ихъ съ мнѣніями, выраженными Ч. въ его критическихъ статьяхъ, то увидимъ, что авторъ „Эстетическихъ отношеній“ не былъ „разрушителемъ эстетики“, но, напротивъ, явился порою однимъ изъ въ восторженныхъ защитниковъ. Поучительна въ этомъ отношеніи его довольно большая статья, посвященная Пушкину. Разбирая вопросъ объ общихъ условіяхъ поэтической дѣятельности, Ч. говоритъ, что существенное условіе для дѣятельности каждаго таланта состоитъ въ томъ, чтобы онъ вполне предавался въ минуту творчества теченію своей мысли, своей природѣ, не стѣсняясь никакими внѣшними соображеніями. Всякая искусственность ведетъ къ холодности, къ приторности. Это, впрочемъ, существенное правило не только поэтической дѣятельности, но и вообще жизни: каждый долженъ дѣлать такъ, какъ прилично его натурѣ и сущности производимаго предмета. Переходя въ частности къ Пушкину, Ч., хотя и признаетъ его по преимуществу поэтомъ формы, но говоритъ, что творенія Пушкина будутъ жить вѣчно. Существенное значеніе и смыслъ произведеній Пушкина — ихъ существенная красота, составляющая и внѣшность, и содержаніе его поэзіи. Пробудивъ въ массѣ общества интересъ къ поэзіи и литературѣ вообще, Пушкинъ сдѣлалъ русскихъ способными къ воспріятію высшаго нравственнаго развитія въ духѣ широкой гуманности; чрезъ него разлилось литературное образованіе на десятки тысячъ людей. Онъ первый возвелъ у насъ литературу на степень національнаго дѣла. Онъ былъ первымъ поэтомъ, который въ глазахъ всей русской публики сталъ на то высокое мѣсто, какое долженъ занимать въ своей странѣ великій писатель. Заканчиваетъ статью Ч. слѣдующими восторженными строками: „Будемъ же читать и перечитывать творенія великаго поэта и, съ признательностью думая о значеніи ихъ для русской образованности, повторять вслѣдъ за нимъ: „Да здравствуютъ Музы, да здравствуетъ Разумъ!“ И да будетъ бессмертна память людей, служившихъ Музамъ и Разуму, какъ служилъ Пушкинъ“. Если бы нужны были еще доказательства тому, какъ широко понималъ Ч. свободу поэтическаго творчества, то можно было бы указать на отношеніе его къ такому типичному представителю чистаго искусства, какъ поэтъ Щербина; при всемъ песочувствіи критика его „античной манерѣ“, онъ все же признавалъ ея безусловную законность, какъ естественный результатъ субъективныхъ

условій развитія и пастропія поэта. Никакія партійныя соображенія, никакія личныя пристрастія не могли заставить Ч. отказать отъ требовапіи истины, съ которыми онъ подходилъ къ оцѣнкѣ литературныхъ произведеній; онъ горячо привѣтствуетъ, напр., появленіе разсказовъ Николая Успенскаго, въ которыхъ онъ видитъ „начало перемѣны“ въ установленіемъ ложномъ отношеніи нашей художественной литературы къ народу; Ч., боже, чѣмъ кто бы то ни было, готовъ признать положительныя достоинства русскаго крестьянства, возстаетъ противъ идеализаціи народа, которую грѣшатъ произведенія Тургенева и Григоровича, и ставить въ особенную заслугу Н. Успенскому, не смущаясь грубыми преувеличеніями, этого писателя, его трезвое отношеніе къ русскому простолудину, неприкрашенное, реальное изображеніе дѣйствительности. Вѣрный основному положенію своей эстетической теоріи, въ силу котораго искусство, если оно не хочетъ быть пустою забавой, должно объяснять намъ дѣйствительность и истолковывать ее въ интересахъ человѣческаго блага, Ч. именно со стороны этого основнаго требованія и производилъ оцѣнку литературныхъ произведеній, оставляя въ сторонѣ и порою совершенно игнорируя ихъ внѣшнія достоинства; разбираемые имъ произведенія часто служили ему только поводомъ для развитія его публицистическихъ взглядовъ; такова замѣчательная статья, посвященная тургеневской „Асѣ“. Въ этомъ смыслѣ Ч. является родоначальникомъ той школы публицистической критики, которая, ведя свое происхожденіе отъ Вѣлинскаго позднѣйшаго періода его дѣятельности, нашла своего блестящаго представителя въ лицѣ Добролюбова и достойнаго продолжателя ея лучшихъ завѣтовъ въ лицѣ Н. К. Михайловскаго. Публицистомъ Ч. остается и въ своихъ двухъ крупныхъ историко-литературныхъ работахъ: „Очерки гоголевскаго періода“ и „Лесингъ“. Въ первой изъ нихъ онъ даетъ связный очеркъ развитія литературныхъ идей, завершившагося Вѣлинскимъ, образъ котораго былъ, можно сказать, воскрешенъ Ч. послѣ десятилѣтняго почти исчезновенія самаго имени великаго русскаго критика со страницъ русскихъ журналовъ. Въ другомъ изъ названныхъ сочиненій ярко и съ глубокою любовью очерчена въ рамкахъ общественныхъ и литературныхъ направленій XVIII в. личность знаменитаго нѣмецкаго просвѣтителя, въ чертахъ характера и дѣятельности котораго можно найти не лишнее интересное сходство съ его русскимъ биографомъ. Приведенные образчики литературной критики достаточнo убѣдительно говорятъ, какъ неосновательно мнѣніе о Ч., какъ о „разрушителѣ эстетики“. Правда, Ч. впадалъ иногда въ крайность, подчиняя искусство требованіямъ дидактизма. Отводя искусству, какъ литературѣ и наукѣ вообще, роль строго служебную, Ч. былъ глубоко

убѣжденъ, что именно на службѣ великимъ цѣлямъ гуманности и прогресса, искусство не только не потерпитъ никакого ущерба ни въ своемъ достоинствѣ, ни въ свободѣ, но, напротивъ, обрѣтетъ тотъ просторъ, при которомъ его творческія силы достигнутъ полноты развитія. Самъ Ч. не считалъ литературной критики своимъ призваніемъ; тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ своихъ критическихъ оцѣнкахъ онъ обнаруживалъ тонкое художественное чутье и глубокою проникаемость. Таковъ замѣчательный, почти полвѣка тому назадъ (1836) произнесенный имъ приговоръ о начинаемъ только свою литературную дѣятельность Л. Н. Толстомъ. Ч. привѣтствовалъ столь прославившагося впоследствии романиста, какъ „прекрасную надежду нашей литературы“, и тогда же написалъ эти пророческія слова: „мы предсказываемъ, что все, данное доннынъ гр. Толстымъ нашей литературѣ, только залогомъ того, что совершитъ онъ впоследствии, но какъ богаты и прекрасны эти залогомъ! Когда въ „Современникѣ“ вступилъ Добролюбовъ, Ч. съ обычною для него проникаемостью разгадалъ въ 20-лѣтнемъ юношѣ его блестящія критическія способности; онъ увидѣлъ въ немъ человѣка, которому безъ колебаній можно было довѣрить критическія оцѣнки журнала. Со вступленіемъ Добролюбова въ редакцію „Современника“, начался второй періодъ публицистической дѣятельности Ч. Теорія искусства, изложенная въ „Эстетическихъ отношеніяхъ“, заключаетъ въ себѣ зачатки нравственно-философскаго ученія Ч., которое онъ позднѣе развилъ въ статьяхъ „Антропологическій принципъ въ философіи“, гдѣ авторъ заявляетъ себя послѣдователемъ Фейербаха и Бюхнера, страстнымъ защитникомъ естественныхъ наукъ и ихъ метода въ примѣненіи къ изученію явленій нравственной и общественной жизни человѣка. Эта чуть ли не единственная статья философскаго содержания, написанная Ч., вызвала цѣлую полемическую бурю противъ ее автора; началась она возраженіемъ проф. Юркевича, появившимся на страницахъ малораспространенныхъ „Трудовъ кievск. дух. акад.“. Чтобы предать болѣе широкой огласкѣ статью Юркевича, Катковъ перепечаталъ ее въ „Русск. Вѣстникѣ“ и воспользовался ею, какъ орудіемъ нападенія на Ч. и на всю вообще редакцію „Современника“; въ кампаніи противъ Ч. принялъ участіе также и „Отечеств. Записки“. Ч., не любившій щадить своихъ идейныхъ враговъ, далъ рѣзкую отвѣдь ополчившимся на него журналистамъ въ статьѣ „Полемическія красоты“, продигованной не мстительнымъ чувствомъ оскорбленнаго самолюбія, а презрѣніемъ человѣка, сознающаго свое умственное и моральное превосходство надъ своими противниками, и глубоко убѣжденнаго воинствующаго публициста, для котораго истина исповѣдуемаго имъ міровоззрѣнія слишкомъ ясна и очевидна, что-

бы стоило серьезно разбираться въ доводахъ, приводимыхъ оппонентами. Неудачная проповѣдь новаго идеала, страстная призывъ къ работѣ во имя него, усиливаемый постояннымъ опасеніемъ за судьбу только начинавшаго обнаруживаться освободительнаго движенія — были главными мотивами Ч., какъ журналиста. Эти опасенія побуждали его торопиться создать свою обширную публику, армію идейныхъ единомышленниковъ, которые оказали бы моральную поддержку литературѣ въ ея проповѣди общественнаго возрѣженія; ибо, „если, — говорилъ онъ, — публика многочисленна и проникнута живыми интересами, нѣтъ силы, которая могла бы остановить развитіе литературы, нѣтъ затрудненій, которыя не были бы побѣждены требованіями общества“. Эту именно силу онъ и хотѣлъ вызвать къ жизни. Публицистомъ - проповѣдникомъ новаго идеала былъ Ч. и въ своихъ беллетристическихъ произведеніяхъ. Наибольше известное изъ нихъ — романъ „Что дѣлать?“, написанный во время заключенія въ крѣпости. Не отличаясь вышними художественными достоинствами, на которые романъ и не претендовалъ, онъ, однако, имѣлъ небывалый успѣхъ и громадное нравственное вліяніе не только своею проповѣдью разумной свободной любви, основанной на полной взаимности и искренности чувства, но и пропагандою возвышенныхъ идеаловъ. Въ сплахъ Вѣры Павловны рисуется счастливая жизнь, посвященная интересамъ труда, по труда, не истощающаго организмъ человѣка, а дающаго бодрость и силу. Въ романѣ дана и практическая программа дѣятельности — устройство артельныхъ организацій на подобіе мастерскихъ, устроенныхъ Вѣрой Павловной, что дѣйствительно послужило въ то время толчкомъ къ устройству цѣлаго ряда производительныхъ ассоціацій. „Что дѣлать?“, какъ и другіе романы Ч., является интереснѣйшею лѣтописью тогдашняго общественнаго настроенія. Крупную роль сыгралъ Ч. какъ публицистъ и ученый въ области экономическихъ вопросовъ. Своими статьями по теоретической экономіи, особенно „Примѣчаніями“ къ переводу Милля, по общинному землевладенію и поземельному во просу, Ч. впервые пустилъ въ оборотъ новѣйшія экономическія идеи и пробудилъ въ обществѣ серьезный интересъ къ важнѣйшимъ проблемамъ социальнаго устройства. Въ изслѣдованіи экономическихъ явленій Ч. держится такъ называемаго имъ гипотетическаго метода, сущность котораго, по его собственному опредѣленію, состоитъ въ томъ, что для правильнаго сужденія о характерѣ известнаго элемента „...изъ области историческихъ событий мы должны преречестись въ область отвлеченнаго мышленія, которое, вмѣсто статистическихъ данныхъ, представляетъ исторію, дѣйствуетъ надъ отвлеченными цифрами, значеніе которыхъ условно и которыя назна-

чаются просто по удобству". Этот метод подходить к той основной задаче, которую — как вездь — Ч. ставил себѣ прежде всего, а именно — изслѣдованіе не столько того, что есть, а того, что должно быть. „Критикою господствующихъ понятій“ онъ стремился прежде всего „привести читателя къ общимъ принципамъ устройствъ, наиболѣе выгоднаго для людей“. Воспитавшись на взглядахъ Оуэна и Фурье, Ч. самостоятельно перерабатывалъ и дополнял теоріи своихъ учителей и далеко не раздѣлялъ ихъ вѣры въ возможность быстрого проведения крупныхъ социальныхъ реформъ. Напротивъ, онъ вслѣдъ за Миллемъ говоритъ, что нельзя ждать скорой замѣны современнаго порядка порядкомъ, основаннымъ на шомъ принципѣ; но какъ бы далека ни была отъ насъ такая замѣна, Ч. всегда и всюду выставлялъ ее, какъ руководящую цѣль. Ч. совершенно ясно понималъ характеръ и тенденціи буржуазнаго общественнаго строя, въ которомъ „звѣа пролетаріата все расширяется и даже физическая организація племени слабѣетъ“. „Земледѣліе и заводская промышленность находятся подъ властью безграничнаго соперничества отдѣльныхъ личностей; чѣмъ обширнѣе размѣры производства, тѣмъ дешевле стоить произведеній; потому большіе капиталисты подавляютъ мелкихъ, которые мало-по-малу уступаютъ имъ мѣсто, переходя въ разрядъ наемныхъ людей; а соперничествомъ между наемными рабочими все болѣе и болѣе понижается заработная плата. Такимъ образомъ, съ одной стороны, возникли въ Англии и Франціи тысячи богачей, а съ другой, миллионы бѣдняковъ. По роковому закону безграничнаго соперничества, богатство первыхъ должно все возрастать, сосредоточиваясь все въ меньшемъ и меньшемъ числѣ рукъ, а положеніе бѣдняковъ должно становиться все тяжелѣе“. Ч. не признаетъ всеобщаго характера за принципомъ соперничества, которое выставляется школою Адама Смита какъ верховный регуляторъ экономическихъ отношеній. Этотъ принципъ господствуетъ въ т. х. дѣлахъ, гдѣ сдѣлка совершается не для потребленія, а для перепродажи. Труды же и продукты, которые идутъ на собственное потребленіе, ему не подвластны, — здѣсь дѣйствуетъ экономическій расчетъ: съ наименьшею затратою труда произвести наибольшее количество продукта наилучшаго качества. При всѣхъ своихъ преимуществахъ передъ патриархальнымъ расчетомъ, принципъ соперничества имѣетъ весьма существенные недостатки. Подъ вліяніемъ соперничества создается атмосфера всеобщаго антагонизма. Каждый старается монополизировать тайну промышленныхъ открытій. Отсюда и оценка предмета носить случайный характеръ и обусловливается не дѣйствительной его стоимостью, а цѣною. Такая оценка вещей выгодна для тѣхъ классовъ, которые получаютъ доходъ не отъ собственного

труда, а отъ труда другихъ лицъ; для болѣе же многочисленнаго класса людей, которые не только не пользуются никакими продуктами чужого труда, но — наоборотъ — большую часть продуктовъ своего труда оставляютъ въ пользу кого нибудь изъ владѣющихъ классовъ, была бы выгодна именно оценка вещей по ихъ существу. Соответственно трѣмъ элементамъ производства — капиталу, землѣ и труду, господствующая теорія принимаетъ трехчленное дѣленіе общества на три класса, дѣлящие между собою продуктъ по этимъ трѣмъ элементамъ; одинъ классъ получаетъ прибыль, другой ренту, третій рабочую плату. Анализу явленіе прибыли, Ч. въ согласіи съ Рикардо устанавливаетъ фактъ противоположности интересовъ прибыли и заработной платы; прибыль, т. е. та доля продукта, которая достается капиталисту за вычетомъ расхода на производство, стремится поглотить какъ можно большую долю изъ фонда рабочей платы и останавливается въ своемъ стремленіи — всецѣло поглотить ее — лишь материальною невозможностью для работника существовать иначе, какъ при известной величинѣ заработной платы. Это естественная тенденція прибыли, отдѣленной отъ рабочей платы, „потому что увеличеніе реальной рабочей платы служить уменьшеніемъ прибыли, а уменьшеніе реальной рабочей платы — увеличеніемъ прибыли“. То же слѣдуетъ сказать и относительно ренты, которую называется доля, получаемая изъ продукта землевладѣльцемъ не за то, что участвуетъ чѣмъ нибудь въ производствѣ, а за то, что позволяетъ другимъ пользоваться землею, ему принадлежащею. Если она отдѣляется отъ рабочей платы, это значитъ, что у человѣка, занимающагося производствомъ, настолько меньше продукта, насколько выдѣляется изъ продукта рентой. Но при трехчленномъ дѣленіи рента не только ведетъ къ уменьшенію доли продукта, остающейся на рабочую плату и прибыль, но и къ уменьшенію самой суммы продукта, необходимаго для народнаго продовольствія, т. е. ведетъ къ уменьшенію самого населенія. Такимъ образомъ, интересы ренты противоположны интересамъ прибыли и рабочей платы вмѣстѣ, а интересы прибыли противоположны интересамъ рабочей платы. При этомъ Ч. мимоходомъ дѣлаетъ нѣсколько глубокихъ замѣчаній, превосходящая въ нихъ нѣкоторые изъ тѣхъ философско-историческихъ взглядовъ, къ которымъ впоследствии пришли знаменитые западно-европейскіе теоретики историческаго материализма. Онъ именно говоритъ, что, соответственно взаимнымъ отношеніямъ элементовъ дохода, „противъ сословія, которому выдѣляется рента, средній классъ и простой народъ всегда были союзниками“. Но „какъ только одерживаетъ въ своемъ союзѣ верхъ надъ получающимъ ренту классомъ сословіе капиталистовъ и сословіе работниковъ,

история страны получает главнымъ своимъ содержаниемъ борьбу средняго сословія съ народомъ. Что касается доли, получаемой рабочимъ за трудъ, являющийся въ конечномъ анализѣ единственнымъ образователемъ цѣнности, то при современныхъ общественныхъ условіяхъ технического прогресса она имѣетъ прямую тенденцію уменьшаться въ своихъ размѣрахъ. Современная экономическая теорія, имѣя въ виду только интересы капиталиста, о работникахъ говоритъ только, какъ о принадлежности капиталиста; говорятъ о самыхъ разнообразныхъ товарахъ, но о главномъ товарѣ — трудѣ — ничего. Между тѣмъ трудъ — товаръ особаго рода; онъ — часть человеческого существа. Покупка труда отличается отъ покупки человека только продолжительностью времени, на которую совершается продажа, и степенью власти, какую даетъ надъ собою продающійся покупателю; по существу же она сходна съ болѣе мягкими формами невольничества". После анализа трехчленной системы дѣленія продукта въ буржуазномъ обществѣ, Ч. приходитъ къ выводу, что она противорѣчитъ требованіямъ разумной экономической теоріи и условіямъ человеческого благосостоянія, и это противорѣчіе лежитъ въ самомъ принципѣ ея. Не слѣдуетъ ли думать, что, каковы бы ни были результаты этого трехчленного дѣленія, оно неизбежно въ интересахъ промышленнаго прогресса. Мы знаемъ, что фабричная промышленность, стоящая технически гораздо выше земледѣлія съ трехчленнымъ дѣленіемъ, по общему правилу основана на двухчленномъ дѣленіи. Если же при извѣстномъ способѣ сочетанія двухъ элементовъ въ рукахъ одного класса, производство становится совершеннѣе, чѣмъ при трехчленномъ дѣленіи, то естественно предположить, что для дальнѣйшаго усовершенствованія производства нужно сочетаніе всѣхъ трехъ элементовъ въ одной и тѣхъ же рукахъ. Принимая систему трехчленного дѣленія продукта, какъ окончательную форму экономического устройства, общество не въ состояніи будетъ выполнить возлагаемую на него обязанность снабжать работою каждаго способнаго къ труду. Въ настоящее время въ старыхъ странахъ населеніе размножилось до крайняго предѣла, допускаемаго системою трехчленного дѣленія. Если бы существовала система, обеспечивающая нація пользованіемъ всѣми естественными богатствами страны, то страны, нынѣ имѣющія самое густое населеніе, при современномъ состояніи техническихъ знаний, могли бы производить въ 8 разъ больше, при меньшей, чѣмъ нынѣ, затратѣ труда. При наибольшей физиологически возможной быстротѣ размноженія, три періода удвоенія не могли занять собою меньше цѣлаго столѣтія времени; а за такой длинный періодъ техническихъ знаний, конечно, успѣютъ значительно двинуться впередъ, и развитіемъ ихъ срокъ снова

удлинится. Такимъ образомъ, тутъ мы имѣемъ очень значительную перспективу отсутствія надобности сдерживать размноженіе и можемъ предоставить эту заботу нашимъ отдаленнымъ потомкамъ, правы которыхъ, вѣроятно, не будутъ схожи съ нашими, такъ что еще неизвѣстно, о чемъ придется заботиться имъ: о томъ ли, чтобы населеніе не размножалось, или о томъ, чтобы оно х т я не уменьшалось. При системѣ трехчленного дѣленія излишекъ населенія неизбѣженъ (также предвосхищеніе мысли К. Маркса о „капиталистическомъ излишкѣ населенія“); и чѣмъ сильнѣе размноженіе людей, тѣмъ ниже уровень рабочей платы; чѣмъ ниже уровень рабочей платы, тѣмъ больше выгоды нанимателямъ труда. Поэтому размноженіе можетъ войти въ надлежащія границы, а рабочая плата можетъ имѣть удовлетворительную высоту лишь тогда, когда ходъ промышленныхъ дѣлъ будетъ основываться не на наемной работѣ, когда рабочая плата будетъ сочетаться въ однихъ рукахъ съ прибылью, когда отдѣльные классы наемныхъ рабочихъ и нанимателей исчезнутъ, замѣнившись однимъ классомъ людей, которые будутъ работниками и хозяевами вмѣстѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ принципъ сочетанія труда и характера улучшенныхъ производительныхъ процессовъ требуютъ производительной единицы очень значительнаго размѣра, а физиологическія и другія естественныя условія требуютъ сочетанія очень многихъ разнородныхъ производствъ въ этой единицѣ, и потому отдѣльные хозяева-работники должны соединяться въ товарищества. Кромѣ „Примѣчаній“ къ Миллю, Ч. написалъ рядъ этюдовъ по теоретической экономіи, въ которыхъ вѣрѣдко объективно-научное изложеніе прерывается публицистическими отступленіями въ сторону современности. Экономическія изслѣдованія Ч., изобилующія глубокими оригинальными мыслями, въ которыхъ предвосхищались уже научныя положенія, развитыя лишь въ позднѣйшую эпоху, показываютъ, какія духовныя богатства таили въ себѣ гениальный публицистъ; недаромъ знаменитый авторъ „Капитала“ отозвался о Ч., какъ о „великомъ русскомъ ученомъ и критикѣ, мастерски освѣтившемъ банкротство буржуазной экономіи“. Величайшую услугу развитію русскаго общественнаго самосознанія оказалъ Ч. своими статьями по крестьянскому вопросу и по общинному землевладѣнію. Общину, какъ извѣстную форму дорогой ему идеи экономической солидарности, Ч. считалъ однимъ изъ главныхъ устоевъ народно-хозяйственной жизни Россіи, которой, по его мнѣнію, еще долго предстояло оставаться страдой преимущественно земледѣльческой. Печальный опытъ Запада, утратившаго общину, долженъ служить для насъ предупрежденіемъ. Скоро мы тоже, можетъ быть, будемъ вовлечены въ сферу дѣйствія закона конкуренціи, и тогда община послужитъ намъ спаситель-

нымъ учрежденіемъ, которое избавитъ земледѣльческій классъ отъ бѣдности и бездомности, обезпечитъ громадному большинству крестьянъ пользование землею и предотвратитъ излишнее неравенство состояній между своими членами. Помимо чисто техническихъ выгодъ, которыя связаны съ общиннымъ владѣніемъ землею, въ пользу его говорить и доводы рациональной экономической теоріи. Та форма поземельной собственности является наилучшей, при которой рента, проценты на оборотный капиталъ и трудъ соединяются въ одномъ лицѣ, имѣющемъ поэтому все выгоды трудиться наилучшимъ образомъ и затрачивать наибольшее количество капитала на оживленіе труда улучшениями и по возможности увеличивать ренту. „Неистощимую, вѣчно живую и свѣжую почву всѣхъ возможныхъ улучшеній представляетъ наше владѣніе землею; неисчерпаемый запасъ благосостоянія и государственного процвѣтанія находится въ немъ“. Каковы бы ни были измѣненія въ нашей экономической жизни, Ч. настаиваетъ на сохраненіи общины. „Да не дерзнемъ мы—восклицаетъ онъ—посягнуть на общинное пользование землями, — на это благо, отъ приобритенія котораго теперь зависитъ благоденствіе земледѣльческихъ классовъ Зап. Европы“. Въ своихъ статьяхъ объ общинѣ Ч. ясно формулировалъ все главныя положенія, вошедшія впоследствии въ программу народничества. Наиболее замѣчательныя изъ этихъ статей: „Исслѣдованія о внутреннихъ отношеніяхъ народн. жизни...“, „О поземельной собственности“, „О нѣкоторыхъ условіяхъ, способствующихъ умноженію народнаго капитала“, „Отвѣтъ на письмо провинціала“, „Обозрѣніе мѣръ, принятыхъ до сего времени къ устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ“, „Труденъ ли выкупъ земли“, „Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго владѣнія“, „Экономическая дѣятельность и законодательство“, „Капиталъ и трудъ“ и многія другія („Современникъ“, 1857—61). Къ этому же періоду самой усиленной литературной дѣятельности Ч. относятся и все многочисленныя статьи историко-политическаго содержанія и важнѣйшія изъ его публицистическихъ и полемическихъ статей. Въ 90-хъ гг. безъ имени автора, какъ изданія младшаго его сына М. Н. Чернышевскаго, были изданы нѣкоторые изъ критическихъ и историко-литературныхъ статей Ч.: „Очерки гоголевскаго періода русской литературы“ (Спб., 1890); „Эстетика и поэзія“ (1893); „Замѣтки о современной литературѣ“ (1894); „Критическ. статьи“ (1895). Литература о Ч. пока еще крайне бѣдна. См. Скабичевскій, А., „Исторія новейшей русск. литературы“ (Спб., 1901); Ивановъ, Н., „Исторія русской критики“; Протопоповъ, „Изъ исторіи нашей литературной критики“ („Русск. Мысль“, 1892); Соловьевъ, Е., „Веллетристика Н. Г. Ч.“ („Научное Обзор.“, 1892); Пекарскій, „Веллетри-

стика Н. Г. Ч.“ („Русск. Бог.“, 1900); Смирновъ, А., „Н. Г. Ч. Биографическія и бібліографическія свѣдѣнія“ („Русск. Старина“, 1890); Розановъ, А., „Н. Г. Ч.“ („Русская Стар.“, 1889); Фаресовъ, „Н. Г. Ч.“ („Историч. Вѣстн.“, 1889); Головинъ, „Русскій романъ и русское общество“ (Сиб., 1897); Писаревъ, Д., „Разрушеніе эстетики“, „Мыслящій пролетаріатъ“ („Сочин.“, т. IV) и нѣкот. другія.

**Чернышевъ,** 1) Александръ Ив., свѣтлѣйшій кн., ген., род. 1786, ум. 1857, участвовалъ въ войнахъ съ Наполеономъ. Съ конца 1812 Ч. отличался своими удачными партизанскими предпріятіями. Совершилъ весь походъ 1813—1814 и участвовалъ въ многочисленныхъ бояхъ. 1826 возведенъ въ графа, 1828 членъ государственнаго совѣта, 1832 военный министръ, 1841 возведенъ въ княжеское достоинство, 1848 предсѣдатель государ. совѣта.

2) Ч. Ив. Егоров., артистъ и писатель, род. 1833, ум. 1863. Приобрѣлъ извѣстность своими комедіями: „Испорченная жизнь“ (Спб., 1862); „Женихъ изъ долгового отдѣленія“; „Не въ деньгахъ счастье“ (1859); „Отецъ семейства“ (1860); „Паутина“; „Венефисныя хлопоты“; „Зачасую“; „Примадонна“; „Комедія изъ-за драмы“ и „Охота пуще неволи, или хочу быть актеромъ“. Напечаталъ романъ: „Уголки театральнаго міра. Актриса“ (1862) и рядъ очерковъ („Встрѣчныя и поперечныя“) въ „Искрѣ“ 1860—61.

3) Ч., Феод. Никол., одинъ изъ наиболѣе крупныхъ представителей современной геологической науки въ Россіи; род. 1856, кончилъ курсъ сперва въ морскомъ корпусѣ, затѣмъ въ горномъ институтѣ; по окончаніи курса 1880 началъ геологическія изслѣдованія въ Южномъ Уралѣ сперва подъ руководствомъ проф. Мѣллера, затѣмъ съ 1882 самостоятельно въ качествѣ сперва младшаго, а затѣмъ старшаго геолога вновь открытаго геологическаго комитета, съ которымъ и связана большая часть его научной дѣятельности вплоть до 1903, когда Ч. назначенъ директоромъ этого учрежденія. Въѣздъ съ тѣмъ Ч. состоитъ академикомъ спб. акад. наукъ, секретаремъ спб. минер. общ. и предсѣдателемъ отд. физическаго географіи русскаго географ. общ. Главныя его работы сосредоточивались на изслѣдованіи и геологической съемкѣ Южнаго Урала. 1889—90 онъ состоялъ начальникомъ крупной экспедиціи для изслѣдованія Тиманскаго хребта. Съ 1892 по 1898 былъ начальникомъ, руководителемъ и организаторомъ работъ по детальной геологической и топографической съемкѣ Донецкаго бассейна. 1895 совершилъ экспедицію на Новую Землю, причемъ первый прошелъ лѣтомъ этотъ о-въ поперекъ. 1899—1902 былъ начальникомъ русской части экспедиціи по изслѣдованію и производству градусныхъ измѣреній на Шпицбергенѣ. 1903 производилъ изслѣдованія въ Ферганской области и Кашгаріи